

год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию освобождения города Гомеля) : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 191–200; Башко, А. Ю. Начало освобождения территории Беларуси по материалам советской периодической печати (сентябрь – декабрь 1943 г.) / А. Ю. Башко // Беларусь в год коренного перелома в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию освобождения города Гомеля) : сб. науч. ст. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – С. 258–264; Новікаў, С. Я. Вызваленне Беларусі ад германскіх захопнікаў 1943–1944 гг. у сучасных айчынным і замежным гістарыяграфічных наратывах / С. Я. Новікаў // Векапомныя дні вызвалення : материалы Респ. науч. конф., посвященной 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков / под общ. ред. Е. Г. Кириченко. – Гомель : БелГУТ, 2019. – С. 3–11.

9. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки в 4 кн. – М. : Наука, 1999. – Кн. 3 : Освобождение. – 510 с.

10. Великая Отечественная война. 1941–1945: Документы и материалы : в 12 т. – М. : ИЦ «Ретроспектива», 2015. – Т. VIII: Освобождение Беларуси. – 416 с.

11. Великая Отечественная война 1944–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 4: Освобождение территории СССР. – 1944 год. – 864 с.

12. Страна в огне : в 3 т. / отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. – М. : Абрис, 2018. – Т. 2: Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 1. Очерки – 734 с.; Т. 3. Освобождение. 1944–1945: В 2 кн. Кн. 1. Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков. – М. : Абрис, 2018. – 717 с.

УДК 94:323.28(430:476)«1941-1944»:94:725.945(476)«194/198»

Д. А. Волошко, Е. Н. Дубровко
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

**МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ МЕСТ
МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1940-е – 1980-е ГОДЫ)

В статье анализируется деятельность партийных и государственных органов, общественных организаций в советский период по увековечению памяти мирного населения, пострадавшего в ходе Великой Отечественной войны на территории Беларуси. В статье раскрывается поэтапное строительство и функционирование мемориальных объектов и рассмотрены характерные черты каждого этапа.

Сохранение памяти о значимых исторических событиях, интерпретация их в аспекте значения для национальных интересов и исторической судьбы народа и государства имеют первостепенное значение для сохранения самого народа и его государственности, так как составляют фундамент национальной идентичности. Только на прочном фундаменте, основанном на честном взгляде на историческое прошлое, может сформироваться осознанная гражданская позиция и патриотизм, как элементы, скрепляющие национальную общность. В контексте истории белорусского народа нельзя не признать большую роль мемориализации событий Великой Отечественной войны в этом процессе, что делает её на сегодняшний день актуальным объектом исследования.

Основным способом увековечивания памяти о событиях Великой Отечественной войны в СССР было строительство мемориальных объектов, а также установление судеб погибшего населения в годы войны, что вылилось в широкую поисковую деятельность. Однако в течение 1940-х – 1980-х годов практика монументального строительства не оставалась неизменной. Можно выделить несколько этапов проектирования, сооружения и функционирования памятников.

В 1942 году Союзы советских архитекторов и художников в порядке подготовительной работы провели конкурс на составление проекта-идеи памятников Великой Отечественной войны. Организаторам были рекомендованы к разработке три основные темы: 1) монументальное сооружение в столице БССР городе Минске – музей Великой Отечественной войны; 2) монумент-памятник герою или группе героев Великой Отечественной войны для любого населённого пункта, знаменательного историческим подвигом; 3) памятник вне населённого пункта, у места стратегического значения, за завоевание или защиту которого были совершены героические подвиги. В целом 1942–1945 года характеризовались проективным

этапом мемориального строительства, во время которого были заложены основные типологические черты будущих памятников [1, с. 25].

Типология возводимых в середине 1940-х – 1950-х годов мемориальных объектов не отличалась разнообразием. Большинство созданных монументов характеризовались однотипностью и простотой художественного исполнения. Многие из памятников уже тогда трактовались как временные, впоследствии их заменили сооружения из более прочных материалов. Нехватка капитальных материалов и проблемы, связанные с их доставкой в отдельные районы, обуславливали необходимость обращения к имевшемуся повсеместно материалу – дереву. Происходило своеобразное копирование форм каменных монументов, хотя особенности дерева сказывались на общем решении [2, с. 164–167].

Что касается объектов для мемориализации, то основное внимание уделялось сохранению и монументальному оформлению могил военнослужащих Советской армии и партизан. Проблема сохранения памяти о погибших мирных жителях к середине 1950-х годов не была окончательно решена. Кроме того, совершенно не затрагивалась тема первых трагических дней Великой Отечественной войны [1, с. 27].

Но это не означает, что данная проблема не затрагивалась вообще. Например, в Каменецком районе за годы войны нацисты уничтожили более 6 тысяч мирных жителей и сожгли 40 деревень, многие из которых так и не восстановились после войны. Единственным объектом для увековечивания памяти погибшего мирного населения в 1960 году был обелиск. Но в 1985 году произошёл демонтаж старого обелиска, и он был заменен новым. Внешне он напоминал четырёхугольную бетонную плоскую плиту с изображением лиц пожилых людей, женщин и детей, и выбитыми именами жертв [3, с. 274–275].

Следует отметить, что изначально захоронения жертв среди мирного населения периода нацистской оккупации 1941–1944 годов в поле зрения органов власти не были. Ситуация изменилась с выходом постановления СМ БССР в 1949 году. Если проанализируем данные за 1985–1990 годы, опубликованные в сводах памятников истории и культуры по областям Беларуси, то получаем следующий результат: к примеру, по Витебской области – из 150 могил только на четырех в 1946–1949 годах были установлены памятники; по Могилевской – из 100 могил лишь на шести на протяжении 1945–1949 годов были установлены памятники; по Гомельской – из 145 на четы-

рех – памятники 1944–1948 годов установки; по Брестской – из 145 на четырех захоронениях с 1945 по 1949 года установлены памятники; по Гродненской области – из 99 могил на шести имелись памятники, установленные с 1944 по 1948 год. Исходя из полученных данных, можно говорить о том, что на местном уровне (в первую очередь на уровне сельских советов, которые являлись исполнителями решений вышестоящих властей) начиная еще с 1944 г. шел, хоть и медленно, процесс увековечения памяти погибших из числа мирного населения. Как правило, все захоронения расположены на гражданских кладбищах (оставшиеся в живых перезахоранивали своих родных и близких, односельчан), и только 1 % установленных памятников на тот момент находился непосредственно на месте сожженной вместе с людьми постройки или ямы-расстрела [1, с. 28].

Первоначально фактически за рамками официального увековечивания памяти о войне оставались мирные жители, погибшие от рук оккупантов. Широкий резонанс в стране вызвало уточнение данных об огромных человеческих потерях СССР в годы войны. Если первая цифра, которую в 1946 г. озвучил И. Сталин, была 7 млн человек, то в одном из докладов Н. Хрущёва речь шла о «более 20 миллионах». Значительную часть этих безвозвратных потерь составляли жители оккупированных республик СССР [4, с. 128]. С 1960-х годов мемориализация мест массового уничтожения мирного населения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны активизировалась.

Ярким примером эволюции мемориального объекта стал мемориальный комплекс «Дальва». «Дальва» – мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс в память о жителях деревни «Дальва». Находится на 77-м км трассы Минск – Витебск, на месте бывшей деревни «Дальва» Логойского района Минской области. В 1955 году на месте братской могилы с останками жителей бывшей деревни поставлен памятник. В 1963 году его заменили на обелиск с пятиконечной звездой. А в 1972 году в Белорусском государственном театральном художественном институте объявили конкурс на лучший проект памятника деревне «Дальва». Победителем стал третьекурсник отделения скульптуры художественного факультета, воспитанник народного художника Беларуси скульптора А. О. Бембея – Владимир Теребун. Мемориал «Дальва» строился на общественных началах, на средства, собранные от концертной деятельности творческих коллективов Белтелерадиокомпании, военнослужащих и пожертвований общественных организаций. Инициатором этой работы был единственный уце-

левший свидетель трагедии деревни «Дальва» Н. П. Гирилович, который всю жизнь посвятил сохранению памяти об односельчанах. Открытый 15 июля 1973 года комплекс повторяет планировку бывшей деревни «Дальва». Мемориальный комплекс «Дальва» включен в государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [5, с. 108–109].

В 1960–1980-е годы на территории страны появляются несколько крупных мемориальных комплексов, среди которых своими нетривиальными инженерно-архитектурными решениями особо выделялись так называемые «места памяти». Среди наиболее значимых «мест памяти», посвященных именно мирному населению, выделяется мемориальный комплекс «Хатынь». В 1960-е – 1980-е годы эти новые объекты сыграли большую роль и в развитии туризма на территории БССР, где концентрация историко-культурных достопримечательностей была относительно не велика. Массовое посещение мемориального комплекса способствовало трансляции сложившейся концепции исторической памяти от людей военного поколения к последующим поколениям советских граждан [6, с. 34].

В 1966 г. правительство БССР приняло решение о возведении памятника 9200 белорусским деревням, полностью или частично уничтоженным во время Великой Отечественной войны. Мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс «Хатынь» (1969) стал местом проведения массовых митингов и антивоенных манифестаций [7, с. 137].

Сам мемориальный комплекс Хатынь создавался в несколько этапов. Первоначально основной идеей было создание музея-памятника. Слова о создании «мемориального комплекса» официально прозвучали в 1967 году. К этому времени уже были подготовлены проекты здания и рабочие чертежи. К декабрю 1968 года было окончено строительство первой очереди. Мемориальный ансамбль повторял планировку уничтоженной деревни: главная улица с перекрестками двух небольших улиц [6, с. 40].

Архитекторы того времени получили для работы чистое поле, за которым вдали на горе с вековыми деревьями стояли каменные, похожие на языческие изваяния, кресты старого хатынского кладбища. Авторы начали с организации пространства, выделив его в форму символической чаши, обустроив площадку круглой формы, окруженную берёзами. Внутри скругленной ложины появилась линейка улицы, не существующей деревни и крест-накрест пересекающая ее дорога для посетителей мемориального ансамбля [6, с. 74].

В Хатыни авторы нарушили привычную композиционную схему. Кульминационный пункт расположили не в центре, не в конце, а в самом начале осмотра. Это была почти шестиметровая статуя босого старика со спасенным подростком на руках, могучего, будто выходящего из огня, горящего, но не сгоревшего. Заметно, что авторы проекта с самого начала моделировали эмоциональное восприятие посетителя мемориального комплекса. Пепел Хатыни с этого момента начинал стучаться в сердце, и дорога по мемориалу становилась даже необходимой, чтобы пережить возникшее волнение: необходимо было двигаться, чтобы высохли слезы, чувства пришли в порядок, оказалась символически до конца испита чаша скорби. Дорога вела от бетонной статуи старика к улице сгоревшей деревни, выложенной серыми плитами. Архитекторы сконструировали ассоциативные знаки хат – показали венцы срубов из серых бетонных брусьев и высокие остовы печных дымоходов, в уключине каждой калитки, как на конверте, написали имена погибших. Создатели мемориального комплекса добавили также символические «голоса» погибших хатынцев: они оформили каждую печную трубу как колокольню. Позже Ю.М. Градов вспоминал, что на уровне проектирования авторы хотели, как можно дальше уйти от прямых ассоциаций с печными трубами. Так они создалиobelisks, увенчанные колоколами и снабженные перечнями фамилий и дат рождения жителей. Это был революционный для своего времени жест, поскольку, напомним, речь идет о художественном процессе 1960-х гг., когда советская власть в рамках антирелигиозной пропаганды имела в виду превратить БССР в атеистическую республику, а колокол – традиционный атрибут церковности. Предпринимались попытки найти колоколам замену с соответствующей семантической нагрузкой, однако успехом они не увенчались. И сегодня Хатынь без колоколов невозможно даже представить. В итоге П. М. Машеров одобрил идею. Л. М. Левин особо отмечал, что создатели комплекса с самого начала работы ощущали недостающее звено для завершения образа трагедии как целого. Таким звеном стал звук, что они поняли внезапно, когда на заросшем травой поле, молчаливом свидетеле трагедии, внезапно запел жаворонок. Звук колоколов оказался тем самым недостающим элементом в создании общесимволического поля памятника [6, с. 80].

Мощная плитами дорога ведет к месту, где произошла трагедия. Над всем возвышается бронзовая фигура величественного в своей скорби старика с мертвым мальчиком на руках. «Непокоренный» – так называется эта скульптура. Это не памятник Иосифу Камин-

скому. Это – собирательный образ, памятник всем белорусам, кто пережил кровь и ужас войны, потерял своих родных и близких, но перенес все и не сломался, не покорился.

Скульптуру установили к открытию первой очереди создания мемориала 26 декабря 1968 года. Первоначально она стояла спиной к символической «Крыше сарая». «Непокоренный» словно двигался от символического места гибели людей к могиле хатынцев. В 1973 г. скульптура была повернута лицом к главному входу [6, с. 82].

Говоря о самой скульптуре «Непокорённый человек», отметим, она создавалась в несколько этапов. Создателем знаменитой скульптуры стал народный художник БССР С. Селиханов. Фигура старого мужчины с мертвым мальчиком на руках стала символом этой хатынской трагедии. Скульптура также воплощала в себе образ народа, вместивший в свое сердце горе, утрату и неодолимую силу, и мужество. Работа целиком была выполнена из бронзы. Эта скульптура внесла серьезный вклад в сокровищницу искусства БССР, и в 1970 г. удостоилась Ленинской премии, высшей на то время [6, с. 84].

С правой стороны от скульптуры находится символическая «Крыша сарая», в котором погибли люди. Выполненная из черного гранита, она словно давит на землю, пряча под собой пепел Хатыни. Сколы в центре подчеркивают кульминационный момент трагедии. Клинообразная светлая дорога символизирует собою «Последний путь» убитых и сожженных людей.

В рассматриваемое время процесс мемориализации активизировался во всех областях Беларуси. Так в Брестской области представлены памятники с новыми архитектурными приемами. Следует выделить мемориальный комплекс «Урочище Гай». Здесь в июне 1942 года было убито порядка 3 тысяч чехословацких евреев. В 1970–1971 годах на месте гибели чехословацких евреев был установлен мемориальный комплекс. Действующими архитекторами были избраны Н. Миловидов, А. Макаров и А. Моренич. Основой композиции мемориального комплекса являются два прочно сомкнутых пилона, стилизованных под столбы ограды концлагеря. Арка удерживает бронзовый колокол со специальной системой подвески, звучащий от самого слабого дуновения ветра. Каждый его звон, ассоциируется с напоминанием о погибших. Внизу расположен чеканный барельеф, на нем изображены множество рук, поднятых и сжатых в гневе, протесте, боли и отчаянии. Пилоны поставлены на том самом месте, где во время расправы находился пулемет. От главного монумента проложена плита к 2 рвам-могилам, между ними бетонная плита из 3 тысяч бутовых камней. К ней прилеплена мраморная пли-

та с изображениями терновой ветки и надписью на русском и чешских языках: «Светлой памяти чешских братьев». В композицию памятника включен отрезок полевой дороги, по которой обреченных вели к месту расстрела. Порог жизни и смерти – рассеченный бетонный брус. Фактура бетона создает впечатление следов, оставленных людьми, переступивших порог бытия. Достоверная передача обстоятельств трагедии, печальный звон колокола производят глубокое эмоциональное впечатление. Мемориальный комплекс «Урочище Гай» и по сей день является произведением монументального искусства [3, с. 286–288].

В Гродненской области процесс создания мемориальных объектов в память о погибших начался ещё в середине 1940-х годов. Но массовое строительство началось только с конца 1950-х годов. Памятные места были достаточно просты в своем исполнении, как и в других областях БССР, но по количеству мемориальных объектов Гродненщина уступала только Минской области. Хотелось бы отметить довольно крупный объект, имеющий историко-культурную ценность для Гродненской области, он располагается в Ивьевском районе в деревне Стоневичи. На этом месте в годы войны располагался крупный нацистский концентрационный лагерь. В 1957 году на месте могил погибших мирных жителей была установлена стела. Но к 1990 году памятный объект был полностью перестроен, и на его месте был создан мемориальный комплекс. Территориально комплекс занимает достаточно внушительное пространство. Объекты комплекса включают в себя две надмогильные насыпи, которые покрыты черной галькой с окатышем. Вдоль проложенной дороги, выложенной черными мраморными плитами, посажено семь елей. Эта дорога ведёт к черно-коричневому мраморному обелиску. За ним находится стена из темно-красного кирпича с надписями-посвящениями. Территория мемориала обнесена невысокой ажурной чугунной оградой с входной аркой, вокруг которой находятся цветники [8, с. 283].

В Докшицком районе на месте бывшей деревни Шуневка в 1983 году был сформирован мемориальный комплекс «Проклятие фашизму». Этот мемориальный объект стал подлинным примером трагико-экспрессивной образности. Центром этой образности стала бронзовая статуя женщины-матери. В экспозиции мать стоит в проеме стилизованных ворот скорби с воздетыми в проклятии руками. Динамичная поза женщины передает немой крик её души, проклинающий войну. В отличие от парадных статуй советских воинов и

сдержанно-скорбных матерей 1950-х – 1970-х годов статуя матери в этом мемориальном комплексе на новом уровне психологизма раскрывает трагедию женщины. Поднятые к небу лицо и руки, крепко сжатые кулаки, проступающие на руках вены – все эти детали подчеркивают эмоциональное напряжение, гнев и неприятие любой войны. Инициатором создания скульптуры выступил А. Аникейчик, но главным архитектором мемориального комплекса стал Л. Левин [9, с. 156].

В целом, можно говорить, что в советский период мемориализация мест массового уничтожения мирного населения не занимала доминирующее место. Начиная с 1940-х годов, акцент мемориализации приходился на памятники, посвящённые войнам-освободителям, партизанам и героям-подпольщикам. Такой процесс продолжался вплоть до 1960-х годов. Безусловно, в БССР существовали памятные объекты, посвящённые мирному населению, созданные в период с середины 1940-х до 1950-х годов, но все эти памятные места имели в большей мере локальный характер, нежели общереспубликанский. В 1960-х годах советское руководство решает начать активное строительство мемориалов по увековечению жертв среди мирного населения. Первым толчком стало создание мемориального комплекса «Хатынь», мемориал совершил прорыв в мемориальном искусстве БССР. Всего с советский период было обустроено более 1,5 тысяч мемориальных объектов, посвящённых мирному населению. Наиболее значимыми проектами стало создание мемориального комплекса «Дальва», мемориального комплекса «Проклятие фашизму», мемориального комплекса «Урочище Гай». Таким образом в течение 1940-х – 1980-х годов практика монументального строительства прошла эволюцию от простейших художественных форм первых послевоенных лет к сложным архитектурно-скульптурным ансамблям 1960-х – 1980-х годов, посвящённым памяти жертв Великой Отечественной войны среди мирного населения.

Источники и литература

1. Савчук, Т. П. Эволюция памятников Великой Отечественной войны на территории Брестской области (1940-е – 1980-е гг.) / Т. П. Савчук // Веснік Брэсцкага універсітэта. Сер. 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2010. – № 1. – С. 25–32.

2. О мерах улучшения охраны памятников культуры: постановление Совета Министров СССР, 14 окт. 1948 г., № 3898 // Советское законодательство о памятниках истории и культуры. Сборник доку-

ментов и материалов (1917–1972 гг.) / Ф. Б. Борисевич [и др.]; под ред. И. Ф. Климова. – Минск : Полымя, 1972. – С. 164–171.

3. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл. ; редкол.: С. В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭС, 1990. – 424 с.

4. О благоустройстве мест захоронения воинов Советской Армии, партизан и мирного населения, погибших в 1941–1945 гг., и об увековечении знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной на территории БССР: 7 авг. 1961 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2008. – С. 128–131.

5. Ботвинник, М. Б. Памятники геноцида евреев Беларуси / М. Б. Ботвинник. – Минск : Белорусская наука, 2000. – 326 с.

6. Зельскі, А.Г. Хатынь. Трагедыя беларускага народа / А. Г. Зельскі. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2018. – 144 с.

7. О дальнейшей работе по увековечению героических подвигов советских людей в период Великой Отечественной войны : постановление ЦК КПБ, 17 янв. 1966 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – С. 135–142.

8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1986. – 371 с.

9. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэд. кал.: С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 496 с.

УДК 069:94(476.7-25)«1941»(082)

Л. В. Харичкова, Е. И. Пашкович
Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина, г. Брест